

Vienna Slavic Yearbook

New Series

Edited by
Stefan Michael Newerkla (Vienna) &
Fedor B. Poljakov (Vienna)

2 · 2014

Harrassowitz Verlag · Wiesbaden

Wiener Slavistisches Jahrbuch

Neue Folge

Herausgegeben von
Stefan Michael Newerkla (Wien) &
Fedor B. Poljakov (Wien)

2 · 2014

Harrassowitz Verlag · Wiesbaden

INHALT / CONTENTS

Artikel / Articles

GERHARD NEWEKLOWSKY (WIEN / KLAGENFURT) Franz Ritter von Miklosich (1813–1891) Zu seinem 200. Geburtstag	1
ИРИНА ПОДТЕРГЕРА (FREIBURG i. BR.) Типы аргументации в споре о книжных реформах патриарха Никона: «силлогизм Аристотеля» и похвала языку	31
VITTORIO SPRINGFIELD TOMELLERI (MACERATA) Verkehrte Welt? Kirchenslavisch als Vorbild beim ersten ossetischen Druck (1798)	71
EKATERINA LYAMINA (MOSCOW) Anton Chekhov reading memoirs (the case of <i>Anna na shee</i>)	87
GERD HENTSCHEL (OLDENBURG) – BERNHARD KITTEL (WIEN) Zu Sprachkompetenzen und Sprachverhalten von jungen Weißrussen und Ukrainern in Weißrussland und der Ukraine (und zu Schwierigkeiten eines solchen Vergleichs auf der Basis unterschiedlicher Erhebungen)	98
URSULA STOHLER (FRIBOURG) – ONDŘEJ HNÍK (PRAG) Der faktographische Literaturunterricht an tschechischen Schulen und seine Kritik (1820–2011)	129
MICHAEL DÜRING (KIEL) „Ruhm der Arbeit, Daniel Josefowitsch...“: Zum Bild der Sowjetunion in Josef Škvoreckýs Roman <i>Der Seeleningenieur</i>	143
ЛЮБИНКО РАДЕНКОВИЧ (БЕЛГРАД) Черт и/или межевой: о наименовании беса „черт“ у славян	152

CARMEN SIPPL (WIEN)

- „wes Geistes Art sein Gegner ist“:
Der Übersetzer Alexander Eliasberg im Ersten Weltkrieg
(Aus seiner Korrespondenz mit Igor' Grabar') 163

Materialien und Editionen / Materials and Editions**БОРИС РАВДИН (РИГА)**

- Предварительный список русской религиозной литературы,
изданной на оккупированных территориях СССР, в Германии
и некоторых сопредельных европейских странах в 1941–1945 годах 176

ФЕДОР ПОЛЯКОВ (ВЕНА)

- «Как ужасно бороться одной со своими стихами...»
Начало литературной деятельности Раисы Блох в Берлине 222

Rezensionen / Book Reviews**MICHAEL DÜRING (KIEL)**

- Sibille Rigler, „Picking up the Pieces“.
Woody Allens intertextueller Dialog mit der russischen Literatur 246

ОЛЕГ ЖОЛОБОВ (КАЗАНЬ)

- Лора Тасева, *Триодните синаксари в средновековната
славянска книжнина. Текстологично изследване.*
Издание на Закхеевия превод. Словоуказатели 249

АНДРЕЙ ЗИНКЕВИЧ (ВЕНА)

- Annette Kosakowski, *Sprachliche Konstruktionen nationaler Identität
im postsowjetischen Belarus. Nominations- und Metaphernanalyse am Material
belarussischer Staats- und Oppositionszeitungen (1990 bis 2001)* 254

EMMERICH KELIH (WIEN)

- Aleksandra Bizjak Končar, Marko Snoj,
Slovar novejšega besedja slovenskega jezika 257

HEINRICH KIRSCHBAUM (BERLIN) Wolfgang Stephan Kissel (Hg.), <i>Der Osten des Ostens. Orientalismen in slavischen Kulturen und Literaturen</i>	261
ALEKSANDAR LOMA (BEOGRAD) Sebrané spisy Václava Machka. T. I–II	272
ФЕДОР ПОЛЯКОВ (ВЕНА) Памела Дэвидсон [Pamela Davidson], <i>Библиография прижизненных публикаций произведений Вячеслава Иванова: 1898–1949</i>	277
ГАЛИНА ПОНОМАРЕВА (ТАЛЛИН) Ю. М. Лотман, З. Г. Минц – Б. Ф. Егоров, <i>Переписка 1954–1965</i>	278
EMMANUEL WAEGEMANS (LEUVEN) Дмитрий Гузевич, <i>Путевые записки Великой особы (1697–1699): Критическая история публикаций и проблема авторства</i>	282
 Chronik / Chronicle	
URS HEFTRICH – BETTINA KAIBACH (HEIDELBERG) Nachruf auf Peter Urban	285
GERTRAUD MARINELLI-KÖNIG (WIEN) In Memoriam Elisabeth Markstein (1929–2013)	288
АЛЛА ГРАЧЕВА (С.-ПЕТЕРБУРГ) – ЮЛИЯ ЯНЧАРКОВА (ПРАГА) Памяти Любови Николаевны Белошевой	292
МАКСИМ КРОНГАУЗ (МОСКВА) – АЛЕКСАНДР МАЙОРОВ (УЛАН-УДЭ) Хроника конференции «Региональные варианты национального языка» (Улан-Удэ, 17–20 октября 2013 г.)	295

СВЕТЛАНА ТОЛСТАЯ – ОЛЬГА ТРЕФИЛОВА (МОСКВА) 90-летие академика Никиты Ильича Толстого: хроника юбилейных событий	304
ЕЛЕНА БЕРЕЗОВИЧ (ЕКАТЕРИНБУРГ) – АННА КРЕЧМЕР (ВЕНА) – АННА ПЛОТНИКОВА (МОСКВА) Хроника конференции «Славянская духовная культура»	317
JANA VILLNOW KOMÁRKOVÁ (WIEN / BRNO) Ilona Janyšková sexagenaria	324
СТЕФАНО ГАРДЗОНИО (ПИЗА) – БЬЯНКА СУЛЬПАСО (МАЧЕРАТА) Хроника конференции «Русская эмиграция в Италии: журналы, издания и архивы (1900–1940)» (Пиза, 18-19 сентября 2013 г.)	326

Anton Chekhov reading memoirs (the case of *Anna na shee*)¹

Ekaterina Lyamina (Moscow)

Abstract: The paper points out Chekhov's strong interest in memoirs, primarily Russian, published, *inter alia*, in historical periodicals. As a case-study, it is demonstrated how his short story (1895) *Anna on the neck* (*Anna na shee*) imports and develops main themes and situations of Anna Kern's memoir essay, *Three encounters with Emperor Alexander*, first published in 1870.

Keywords: Chekhov, Russian prose and narrative, Russian memoirs of the 19th century

Chekhov's constant interest in the broad spectrum of contemporary periodicals does not require a special argumentation by simple reason of his longtime and intensive participation in an impressive number of newspapers, magazines, and almanacs. In this domain, there are works dedicated to Chekhov's career in journalism in general (see, for example, Jesin 1977) and to the history of his contacts with certain periodicals.² Another important field, reminiscences left in Chekhov's own prose (early as well as later) by plots and topics specific for the petty press (*malaja pressa*) of 1880–1890s, also is quite well-explored.³

However, information about Chekhov – reader and subscriber of periodicals – is not only poorly organized but seems not to be found out in a representative extent.⁴ The task is evidently complicated as the writer's personal book collection, practically not including periodicals (see Balukhatyj 1930), reflected neither his method to reading them nor the dynamic of his tastes in this area. The obvious reason here are numerous removals during Chekhov's life, which strongly influenced the completeness of his collection, but also his clearly philanthropic and illuminating way of possessing books. Admittedly, it is well known that after moving to Melikhovo in 1892 he sent more than two thousand volumes to Taganrog, as a gift to the recently opened public library.

It is difficult to doubt that, with regard to Chekhov's encyclopedic approach to any information, historical magazines were an important part of his circle of reading: 25 years of his activity as a writer came to the period of their bloom. Indeed, in Chekhov's correspondence we find many evidences of his close acquaintance with this type of

1 Fragments of this study were published as preliminary remarks on the subject in: *Лесная школа. Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке... Поселок Поляны (Уусикиркко)*, 2010: 75–83.

2 See, for example, Gajduk 1965, Dolotova 1977, Tverdokhlebov 1977.

3 See classic studies such as Korotaev 1939, Chudakov 2013 (1987): 62–69, and, most recently, Orlov 2005 and Brooks 2014.

4 This is a significant exclusion – Chekhov's preparation for trip to Sakhalin, during the course of which he reviewed a large amount of sources in periodical publications, and his later work on the book about the island.

publication: *Vestnik Evropy*, which had a serious historical section, *Russkij arkhiv* and, in particular, *Istoricheskij vestnik* and *Russkaja starina*. Thus, on 1st April 1885, he asked N. A. Leikin about the name and patronymic of M. I. Semevskij, the editor of the latter magazine, having intention to

послать ему коллективное письмо [врачей] с просьбой напечатать отдельным изданием записки [Н. И.] Пирогова, когда они кончатся печатанием в "Русской старине". Это сделает он, вероятно, и без просьбы, но поощрение никогда не мешает (Chekhov 1974–1983. Pisma: 1, 147).⁵

In Chekhov's letters of 1880–1890s, humorous postscripts similar to following are not rare: "Это письмо разрешаю Вам напечатать через 50 лет в 'Русской старине' и получить за него 500 рублей" (to N. N. Obolonskij, 23 April 1889. Chekhov 1974–1983. Pisma: 3, 197), or: "...и все-таки письма Вашего я не получил. Оно погибло, и потомки мои не напечатают его в 'Русской старине' и не получают гонорара. Печально" (to V. A. Tikhonov, 8 April 1894. Ibid.: 5, 139).⁶ It is worth pointing out that Chekhov, with his predominantly business-like approach to literary remuneration, thought of *Russkaja starina*, periodicals of Semevskij, having spent considerable sums on purchase of manuscripts, and not, admittedly, of Moscow-based *Russkij arkhiv*, the publisher of which, P. I. Bartenev, usually avoided paying the owners of manuscripts and the authors of articles.

On 28 February 1890, Chekhov sent back to A. S. Suvorin some books borrowed from him, including *Sistematicheskaja rospis soderzhanija Russkoj stariny, izdaniya 1870–1884* (SPb, 1885), and added: "А Вашей библиотеке скажите, что я ей обязан по гроб жизни" (Chekhov 1974–1983. Pisma: 4, 26). And, writing to him again in a month: "Вчера послал Вам три тома 'Русской старины': 78, XXII, 79, XXIV и 81, XXXII. Ваших книг осталось у меня немного" (Ibid.: 4, 49).⁷

During those weeks, Chekhov was steadily searching in historical (and other) periodicals facts and details concerning Sakhalin. However, he scarcely left the rest without any attention – all the more in other periods of his career, when his interest was not so strictly focused. He also noticed and read (as one can determine, e.g., by a cited fragment about Pirogov's memoirs) historical and historico-literary materials.

One of the vivid centers of this vast field certainly was Pushkin. Thanks to publishing and research efforts of people of different generations and types of professionalism, the space of printed sources was actively being shaped around the poet's figure. Memorial events and dates related to Pushkin functioned as points of reflection and crystallization in this process. The most important were inauguration of Pushkin's

5 N. I. Pirogov's *Voprosy zhizni. Dnevnik starogo vracha* were published in *Russkaja Starina* in 1884 (№ 9–12) and 1885 (№ 1–6).

6 Compare to Chekhov's humorous "business proposal" to the editor of *Istoricheskij Vestnik*, S. N. Shubinskij, made in his letter to A. S. Suvorin, publisher of this magazine: "Сепрей Николаевич не высылает мне 'Исторического вестника'. Очевидно, потерял веру в то, что я когда-нибудь пришлю ему повесть. Не может ли он высылать мне 'Вестник' в счет тех мемуаров, которые я оставляю после смерти? Я накатаю 50 печатных листов" (Chekhov 1974–1983. Pisma: 5, 264; letter of 22 January 1894).

7 And, in the penultimate paragraph of the letter: "Сейчас я послал Вам с мальчиком из Контрагентства 'Вестник Европы' 1875, 6 и 'Русскую старину' 1883, т. XXXVII".

monument on Strastnaja Square in 1880, the 50th anniversary of the poet's death in 1887, and his 100th birthday celebration in 1899. The ceaseless growth of the corpus of *Pushkiniana* already in the mid-1880s was seen as a trait of cultural everyday life. Thus, it was noted that

в малой прессе юбилейных лет [i.e. before and after the year 1887] в связи с жанром анекдота возникает новое явление: своеобразная пародия на многочисленные мемуары и псевдомемуары, воспоминания, записанные по памяти детьми, внуками лиц, общавшихся с Пушкиным, и зачастую содержащие незначущие или попросту выдуманные мелкие эпизоды из жизни поэта (Gorjacheva 1998: 275).

One may reasonably suggest that Chekhov, an avid reader of Pushkin, and, sure enough, an adept of his cult specific to *intelligentsia*,⁸ was also an interested observer of how the biography of the poet was crafted. A signal moment in this construction was the emergence of a “pantheon surrounding Pushkin” – the circle of personalities, which in consciousness of the reading public existed primarily in connection with Pushkin. The conspicuous place in this pantheon was occupied by Anna Kern (1800–79) early on, thanks to the poem dedicated to her, one of the most famous in Pushkin's lyrical work. It is also important that her *Memoirs on Pushkin* (*Vospominanija o Pushkine*), highly valued by P. V. Annenkov,⁹ the most authoritative pushkinist of the first generation, were published rather early (1859).¹⁰ In 1884, Bartenev states Kern's extraordinary place in Pushkin's biography and outlines that any memoir text written by her *a priori* is of extreme interest. Republishing her notes

8 In arguing this thesis, it would be enough to point out that Chekhov passionately wished to purchase, as soon as possible, Pushkin's *Collected Works* published by Suvorin (and intended to provide his colleagues-doctors with copies of the edition; see: Pisma Chekhovu 1939: 154, 157; Chekhov 1974–1983. Pisma: 2, 28, letter to Suvorin, 10 February 1887). We also should not underestimate that he was awarded a half ('polovinnaja') Pushkin prize in 1888, that 'Pushkin' room existed in his Melikhovo house (according to several sources, the name was given after a big lithographic reproduction of Kiprensky's portrait of Pushkin placed on one of the walls – Chekhov v vospominanijakh 1986: 231; Chekhova 1960: 114), that in Jalta he was very busy in the Committee for organizing the poet's anniversary of 1899 (“Он принимал самое деятельное участие в организации пушкинских любительских спектаклей, живых картин, народных чтений и т.д.” Chekhova 1960: 193). Finally, one of his oral short stories fixed by an acquaintance may be quoted here: “Люди обеспеченные, могут жить хорошо. В парадных комнатах все отлично, в детской – грязновато, в кухне – тараканы! А спросите их, есть ли в доме Пушкин? Конечно, не окажется” (Chekhov v vospominanijakh 1986: 369–70).

9 It was Annenkov who stimulated the later work of Kern on the notes about Pushkin and his friends, laying out an important narrative mode. On 28 July 1859 he wrote: “Понятно, что при этом уже пропадет всякая необходимость полудоверий, умолчаний, недоговоров, как в отношении себя, так и в отношении других, – нужна только добросовестность и любовь к людям, которых описываешь. Если вы станете на эту точку зрения, то уже увидите под ногами своими все, что теперь может вас остановить или все, что теперь вас затрудняет – фальшивые понятия о дружбе, о сбережении памяти человека, о приличии и неприличии... Задача делается только показать лицо и событие во всей их правде и так, чтобы самая эта правда нисколько не мешала ни любить, ни уважать их” (quoted in: Jegorov 1968: 85, note 68).

10 In *Biblioteka dlja chtenija* (1859, April, 111–44).

about her childhood (see Kern 1884b) which had just been placed in one of “light” journals (Kern 1884a), he noted:

Анна Петровна памятна в наших преданиях тем, что она внушила Пушкину одно из лучших его стихотворений (“Я помню чудное мгновенье”). Некоторое время поэт был страстно влюблен в нее, как свидетельствуют его французские письма к ней, ныне вошедшие в последнее собрание его сочинений (Москва, 1882). Читатели Р[усского] Архива (1884, I, 470) припомнят также письмо Родзянки к Пушкину с ее приписками. Это было живое, даровитое и смолodu обаятельное существо, занимающее не последнее место в биографии Пушкина.

According to L. N. Majkov, pushkinist of the next generation, as time went on, such a status became more and more distinct. Yet Kern’s memorial essay of 1859 was generally noticed because of its undisputable interest, and although in her lifetime she only published two other essays,¹¹ her name was enduringly presented in biographies of Pushkin and in collections of his works (Majkov 1899: 223).

The second of two lifetime publications mentioned above is a memoir short story *Three encounters with the Emperor Alexander, 1817–1820* (*Tri vstrechi s imperatorom Aleksandrom Pavlovichem, 1817–1820*, see Kern 1870). Accompanied by those characteristics of Kern which, in the eyes of readers, had already become canonical, if not standard,¹² *Tri vstrechi...* was placed in Semevskij’s magazine (in its initial year and, obviously, as a key, advantageous material). The editor noted that the publication was made “по поручению ... составительницы, Анны Петровны Марковой-Виноградской, в первом замужестве генеральши Керн, рожденной Полторацкой”. In our opinion, this memoir may have attracted the attention of Chekhov – not only as written by the famous Pushkin’s acquaintance but also as a prose possessing its own particularities underlined by Semevskij: “хотя и мелкие, но небезынтересные подробности для обрисовки русского общества двадцатых годов ... порывистый, полный неостывшего увлечения тон, которым звучит весь рассказ”.

Tri vstrechi..., as the title shows, is set up as a chain of episodes. From the autobiographical point of view, they are crucial, shifting, rich of potential for changing the author’s destiny. Such possibilities remain unclaimed, though they are intentionally emphasized by Kern.

Below main plot and emotional features of the text are found out and enumerated.

1) A young wife of a much older general (“немного прибитая на цвету – как говорят в Малороссии, – необыкновенно робкая, выданная замуж и слишком рано, и слишком неразборчиво” – Kern 1989: 89), who does not know how to treat her, lives with her husband, a division commandant, in a provincial town (Lubny, in Poltava government);

2) On the occasion of the corps review made by Alexander I, the chief of the young woman’s husband, the 65-year-old Field-Marshal Fabian Osten-Sacken, well-dispo-

11 One of them is *Memoirs on Pushkin, Delwig, and Glinka* (see Kern 1864), another is discussed below.

12 “Предмет любви Пушкина”; адресат “нескольких прелестных стихотворений”; “автор чрезвычайно интересной статьи ‘Воспоминания о Пушкине’” (see Kern 1870: 271).

sed to her, recommends his protégée to the tsar. To Kern's great surprise, at a ball she enters in a spontaneous French conversation with the Emperor:

Не смея ни с кем говорить доселе, я с ним заговорила как с давнишним другом и обожаемым отцом. Он заговорил, и я была на седьмом небе и от ласковости этих речей, и от снисходительности к моим детским понятиям и взглядам. ... Потом [он] сказал: 'Venez à Pétersbourg chez moi' [Приезжайте ко мне в Петербург]. Я с величайшею наивностью сказала, что это невозможно, что мой муж на службе. Он улынулся и сказал очень серьезно: 'Il peut prendre un semestre' [Он может взять отпуск]. На это я так расхрабрилась, что сказала ему: 'Venez plutôt à Loubny! C'est si beau Loubny!' [Лучше вы приезжайте в Лубны! Лубны – это такая прелесть!] Он опять засмеялся и сказал: 'Je viendrai, absolument, je viendrai' [Приеду, непременно приеду] (Ibid.: 90).

In the cited fragment of this dialogue, on the one hand, naivete and inexperience of the young woman are stressed, on the other – an unexpected condition of self-confidence and emotional comfort. After the ball, she sees Alexander I at vespers in a little regiment church and receives from him "first a serious bow, then a kind, smiling one". "По городу ходили слухи, вероятно несправедливые, что будто император спрашивал, где наша квартира, и хотел сделать визит" (Ibid.: 90–91). Kern states that, for a moment, she submerged in splendor of high society, then reproduces a lively interior dialogue:

Если бы мне кто сказал: 'Этот человек, перед которым ты молишься и благоговейшь, полюбил тебя, как простой смертный', я бы с ожесточением отвергла такую мысль и только бы желала смотреть на него, удивляться ему, поклоняться, как высшему, обожаемому существу!..

In a more official tone she, however, adds as a sort of report: «...немедленно после смотра в Полтаве господин Керн был взыскан монаршею милостью: государь ему прислал пятьдесят тысяч за маневры» (Ibid.: 93).

3) The second encounter took place in St. Petersburg, where General Kern, having fallen into disgrace, came with his wife. To improve the situation, he uses various possibilities, first of all the impression made by her on the Emperor who meantime become the godfather *in absentia* of the Kerns' newborn daughter. Hours of Alexander's walk along the Fontanka having been generally known, the young woman was repeatedly sent there, in a company of a relative, in intention to run into the tsar. Ready to give up unfruitful efforts, the memoirist coincidentally saw the Emperor, curtsayed and received in response

поклон и улыбку, доказавшие, что он меня узнал. Через несколько дней Керну, бывшему дивизионному командиру, князь Волконский от имени царя предложил бригаду, стоявшую в Дерпте. Муж согласился, сказав, что не только бригаду, роту готов принять в службе царя (Ibid.: 94).

4) On the third and final time, the memoirist saw Alexander I during manoeuvres in Riga. This culmination of their relations reaches its apogee in the ball scene. The author describes her own preparations, mentioning the dress and a superb necklace, gift of the Emperor on the occasion of baptism of his goddaughter. It was com-

missioned in Warsaw and cost 6,000 rubles. («Увы! я не долго пользовалась этим дорогим украшением», she sighs and observes that her husband, needing finances, pawned or sold the valuable outfit). As the memoirist tells us, Field-Marshal Sacken led her out in the middle of a ballroom, showered her with compliments and kindly asked her to put the long glove off in order to kiss her hand. The monarch appeared soon after and during the polonaise was reunited (thrice, with intervals) with Mme Kern. They recall previous encounters, and the tsar, also thrice, asks his vis-à-vis whether she is satisfied with her situation and “with a gracious kindliness” says, “Adressez-vous à moi comme à un père!” [Address to me as to your father] (Ibid.: 100). With regard to the ball, the author remarks: “Можно сказать, что в этот вечер я имела полнейший успех, какой когда-либо встречала в свете!” The next day, she saw Alexander I from the balcony of a gallery. Leaving the manoeuvres, he raised his eyes and made her a particular bow. Kern closes the story with valuation given to her family life by her powerful admirers: “До меня дошло потом, что Сакен говорил с императором о моем муже и заметил, между прочим: ‘Государь, мне ее жаль!’” (Ibid.: 102).

With the features exposed above, Chekhov’s short story *Anna on the neck* (*Anna na shee*) of 1895 shows numerous similarities. They are not only formal (marked here by lowercase letters) but also thematic and structural (marked by capital letters).

a) *Name and patronymic of the heroine*. Though Chekhov does not call her Anna Petrovna (only by name – Ania, Aniuta), he more than once tells that her father’s name was Petr Leontjich. Compare this to the composition of a widespread name and a quite rare patronymic of Anna Kern’s father, Petr Markovich, mentioned in her memoirs on the childhood (see Kern 1884a, Kern 1884b) and in Semevskij’s foreword.

b) *Ages of the heroine and her husband*, defined in the beginning of both stories. See in the first paragraph of *Anna na shee*: «...чиновник 52 лет женится на девушке, которой едва минуло 18» (Chekhov 1974–1983. Сочинения: 9, 161). Compare to the 52-years-old General Kern, having arranged his marriage with Anna Poltoratskaja, not yet turned 17.

A) *Boring everyday life*¹³ in province, which in *Anna na shee* seems to be located in Malorossija, as Old Kiev street (Starokievskaja ulitsa), mentioned twice (Ibid.: 169, 173), indicates. Compare to Lubny and Poltava as a scene in the first part of Kern’s memoirs. In both texts, the monotonous setting nevertheless holds implicit possibilities of ascent and splendor.

B) *Motif of valuable jewelry*, given to the heroine as a sign of her new, elevated status (birth of a child/marriage), but in fact owned by her husband. Compare Kern’s necklace and Ania’s rings, bracelets and breastpins, the entirety of which Modest Alekseich often verified.

C) *Approach with a person of high standing* (“важный человек”)¹⁴ as a key element of the plot. He arises as a new “relative” (kum) of his subordinate. Compare the role

13 Certainly, Kern describes a military milieu, Chekhov – those of officials. This inequality is, however, partly balanced by the scene of Anna’s triumph in mazurka with an “enormous officer”, analyzed below.

14 The formula, appeared in the first preliminary note for the future short story (see Chekhov 1974–1983. Сочинения: 17, 47), at once laid out main points of its development.

of Alexander I as the godfather of the Kerns' daughter, and one of the most important points of Chekhov's story, exposing the hidden indecency of the triangle 'His Excellency (ego sijatelstvo) – Ania – her husband':

Модест Алексеич приложил два пальца к губам из осторожности, чтобы не рассмеяться громко, и сказал:

– Теперь остается ожидать появления на свет маленького Владимира. Осмелюсь просить ваше сиятельство в воспитанники.

Он намекал на Владимира IV степени и уже воображал, как он будет всюду рассказывать об этом своем каламбуре, удачном по находчивости и смелости (Chekhov 1974–1983. Сочинения: 9, 172–173).

D) *Combination of two emotional and narrative lines.* I) The line of husband, preoccupied with his career and not respected by his chiefs. They condescend towards him foremost because of sympathy for his wife, of whom he tries to make use in his own interest. II) The line of the heroine, suddenly noticed and admired by a person of high standing and afterwards feeling herself to be the center of the universe. Yury Shcheglov defines this second line in *Anna na shee* as built up

в соответствии с хорошо известным сюжетным архетипом. Это рассказ о том, как герой, рожденный для некоего более высокого призвания (в данном случае – для светского успеха, блеска, веселья), вынужден влачить жалкое, зависимое и униженное существование в чужой ему среде. Но в один прекрасный день порода героя дает себя знать, и он, посрамляя своих мучителей и тиранов, стремительно возносится к новой жизни, занимает подобающее ему место под солнцем. <...> Манифестации этой фабулы включают такие, ставшие нарицательными, типы, как Золушка и Гадкий утенок. <...> Как в сказке о Золушке, возрождение героини начинается с бала, на котором ее красота и изящество неожиданно открываются всему свету (Shcheglov 1996 (1982): 158, 176).

Though Kern uses the same pattern, her encounters with the Emperor are depicted as brief glimpses in gloomy daily life. On the contrary, in Chekhov's text, the ball and charity bazaar completely (and in the tonality of the story – forever) changed the heroine's life.

The function of 'Cinderella's prince' in *Tri vstrechi...* is divided unequally between two heroes. These are old Field-Marshal Sacken and Alexander I in zenith of his years. The first is portrayed with manifested respect, the second with unrestrained admiration – undoubtedly, biographically-founded. Nevertheless, some recent literary impressions of the author activated this old emotion and restructured it. See Kern's foreword:

Теперь, когда я ослепла и мне прочли чрезвычайно замечательное произведение графа Л. Н. Толстого «Война и мир», где, между прочим, говорится о страстном, благоговейном чувстве, ощущавшемся всеми людьми к императору Александру Павловичу в начале его царствования, мне так ясно, так живо представилась та эпоха, и ворвались те живые, никогда не забываемые мною воспоминания, о которых мне захотелось рассказать (Kern 1989: 89).

It was argued that in *Anna na shee* the ball receives several characteristics referring to similar scenes depicted by Griboedov, Pushkin, and Tolstoj. Besides, the episode of mazurka that Ania danced with “an enormous officer” contains motifs from *Vojna i mir*, such as mazurka executed by Natasha and Denisov (see Shcheglov 1996 (1982): 180, 320). One more parallel with Tolstoj’s novel may be added if we think about the episode of “Danila Kupor”, which is, like mazurka, a feature dance (tome I, chapter XX). Tolstoj bases his painting on a clear distribution of dynamic roles and on general attention to the dancing pair:

Граф танцевал хорошо и знал это, но его дама вовсе не умела и не хотела хорошо танцевать. Ее огромное тело стояло прямо с опущенными вниз мощными руками ...граф, все более и более расходясь, пленял зрителей неожиданностью ловких вывертов и легких прыжков своих мягких ног, Марья Дмитриевна малейшим усердием при движении плеч или округлении рук в поворотах и притопываньях, производила не меньшее впечатление по заслуге, которую ценил всякий при ее тучности и всегдашней суровости. <...> Все было занято графом и Марьей Дмитриевной. <...> Скорее, скорее и скорее, лише, лише и лише развертывался граф, то на цыпочках, то на каблуках, носясь вокруг Марьи Дмитриевны и, наконец, повернув свою даму к ее месту, сделал последнее па, подняв сзади кверху свою мягкую ногу, склонив вспотевшую голову с улыбающимся лицом и округло размахнув правую руку среди грохота рукоплесканий и хохота.

While telling his story, Chekhov inverts those roles, nevertheless keeping the moment of singularity of the dancers which are stared at by all the audience. Compare:

...он важно и тяжело, словно туша в мундире, ходил, поводил плечами и грудью, притоптывал ногами еле-еле – ему страшно не хотелось танцевать, а она порхала около, дразня его своей красотой, своей открытой шеей.

and

Мало-помалу и громадного офицера прорвало; он оживился, заволновался и, уже поддавшись очарованию, вошел в азарт и двигался легко, молодо, а она только поводила плечами и глядела лукаво.

References to the chapter concerning the name-day dinner in the Rostovs’ house may serve an additional argument that Chekhov read *Tri vsctrechi...*, including the author’s foreword cited above. It is worth noting that Nikolaj Rostov is the main bearer of “a passionate, awesome emotion” towards Alexander I mentioned by Kern.

In *Anna na shee*, the character in similar function is described in a more complex way:

Пародийным отражением принца <...> является престарелый “его сиятельство” – таинственный персонаж, чье имя, внешность и должность остаются скрытыми от читателя и чьи аналогии с монархом проступают как в подразумеваемом княжеском титуле, так и в том несомненном царственном ореоле, которым он окружен с самого начала новеллы (Shcheglov 1996 (1982): 176-177).

Compare, however, fine details of his appearance presented in both texts: Chekhov notes that His Excellency is speaking, “осматривая свои белые руки с розовыми ногтями”; Kern, contemplating the Emperor, enjoys “всеми его движениями и в особенности манерой резать белый хлеб своею белою прекрасною рукой”.

E) *Use of a specific mode of speech*, thoroughly adjusted to the described combination of two lines, that of the husband and that of Anna, and related with her preparation for the ball. Such is the monologue of General Kern, partly direct, partly relayed indirectly, in which some phrases of Alexander I are incorporated:

Керн ... возвратился довольно поздно в очень радостном расположении духа и начал меня, всегда ленивую, торопить туалетом, говоря, что я и то опоздала, что не хорошо приехать на бал позже императора. При этом рассказал утешительное известие о своем свидании с царем и некоторого рода примирении.

– За обедом, – сказал он, – император не говорил со мною, но по временам смотрел на меня. Я был ни жив ни мертв, думая, что все еще состою под гневом его! После обеда начал он подходить то к тому, то к другому, – и вдруг подошел ко мне: ‘Здравствуйте! Жена ваша здесь? Она будет на бале, надеюсь?’

На это Керн, натурально, заявил свою горячую признательность за внимание, сказал, что я непременно буду, и приехал меня торопить» (Kern 1989: 98).

Compare the tirade of Ania’s husband:

Когда за полчаса до отъезда на бал Модест Алексеич вошел к ней без сюртука, чтобы перед ее трюмо надеть себе на шею орден, то, очарованный ее красотой и блеском ее свежего, воздушного наряда, самодовольно расчесал себе бакены и сказал:

– Вот ты у меня какая... вот ты какая! Анюта! – продолжал он, вдруг впадая в торжественный тон. – Я тебя осчастливил, а сегодня ты можешь осчастливить меня. Прошу тебя, представься супруге его сиятельства! Ради бога! Через нее я могу получить старшего докладчика! (Chekhov 1974–1983. Сочинения: 9, 168).

In the aspect we analyze, it is curious that with this fragment, showing Modest Alekseich’s explicit intention to use his wife as a means of career advancement, correlates a joke of His Excellency based on the motif of a disciplinary punishment: «А я прикажу посадить вашего мужа на гауптвахту за то, что он до сих пор скрывал от нас такое сокровище» (Ibid.: 170). The motif is also important for General Kern’s relationship with the tsar.

Tri vsctrechi..., written as *Ich-Erzählung*, presents the author’s/heroine’s speech, rich of emotions, as dominant. Kern uses digressions about how she was viewed by other persons, describes her feelings, puts in numerous exclamations: “Это счастье, с которым никакое другое не могло для меня сравниться!”; “Никогда я столько не восхищалась походкой императора, ему одному свойственной!”; “Но – всему бывает конец – и этому счастливому созерцанию моему настала минута – последняя!” (Compare Semevskij’s remark defining the tone of the text as «порывистый, полный неостывшего увлечения».)

As a parallel, one may indicate that, modifying *Anna na shee* for his *Collected works* (edited by A. F. Marks’ publishing house), Chekhov strengthened the tonality

expressing Ania's manner of seeing and speaking. According to the last academic commentary to the text,

было введено описание дворянского собрания с точки зрения героини (снующие лакеи, запах светильного газа и т.д.). Об успехе Ани у мужчин повествователь говорит теперь так, как будто это ее мысли: "это было ясно, да иначе и быть не могло". Увеличено число восклицательных фраз, передающих отношение героини к происходящему (типа: "Ах, как хорошо!") (Chekhov 1974–1983. Сочинения: 9, 487).

Crucial points of Kern's essay and its various details as well, reflecting and echoing in *Anna na shee*, make one think that Chekhov appreciated *Tri vstrechi...* not only as a captivating memoir, based on a vivid and well-constructed plot, but also as an example of Russian prose slightly previous to his own. Kern's story combines intentional contrasts, caricatures of characters (which are specific for Chekhov's early short stories) and a slow, deprived of dramatic jumps, development of action with heroes plunged in banalities of daily life (emblematic for Chekhov's mature works). Besides, *Tri vstrechi...* includes «случайные восклицания, нелепые словечки» (Chudakov 1971: 191), such as the ball conversation between the heroine and the tsar; compare to senseless phrases dropped by His Excellence, as, for, instance: «М-да... Американцы...» All this Chekhov supposedly took into consideration and artistically used in his masterpiece: *Anna na shee* is undoubtedly fed by both of his manners, 'early' and 'later'.

Bibliography:

- Balukhatyj 1930: С. Д. Балухатый, Библиотека Чехова. In: *Чехов и его среда*. Ленинград, 176–390.
- Brooks 2014: Jeffrey Brooks, The young Chekhov: Reader and writer of popular realism. In: Damiano Rebecchini, Raffaella Vassena (eds.), *Reading in Russia: Places and manners of reading*. Milano (forthcoming).
- Chekhov 1974–1983: А. П. Чехов, Полное собрание сочинений и писем, в 30 томах. Сочинения: в 18 томах. Письма: в 12 томах. Москва.
- Chekhov v vospominaniyakh 1986: А. П. Чехов в воспоминаниях современников. Москва.
- Chekhova 1960: М. П. Чехова, Из далекого прошлого. Москва.
- Chudakov 1971: А. П. Чудаков, Поэтика Чехова. Москва.
- Chudakov 2013 (1987): А. Чудаков, Антон Павлович Чехов. Москва.
- Dolotova 1977: Л. М. Долотова, Чехов и "Русская мысль". (К предыстории сотрудничества в журнале). In: *Чехов и его время*. Москва, 265–283.
- Gajduk 1965: В. К. Гайдук, Из отношений Чехова с журналами "Жизнь" и "Начало". In: *Литературный музей А. П. Чехова: Сборник статей и материалов*. Выпуск 5. Ростов, 49–60.
- Gorjacheva 1998: М. О. Горячева, Пушкинский и чеховский миф в малой прессе 1880-х – начала 1900-х гг. In: *Чеховиана: Чехов и Пушкин*. Москва.

- Jegorov 1968: Б. Ф. Егоров, П. В. Анненков – литератор и критик 1840-х – 1850-х гг., *Труды по русской и славянской филологии* XI, 51–108 (Ученые записки Тартуского государственного университета, 209).
- Jesin 1977: Б. И. Есин, *Чехов – журналист*. Москва.
- Kern 1864: А. П. Керн, Воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Глинке, *Семейные вечера (старший возраст)*, 10, 679–683.
- Kern 1870: А. П. Керн, Три встречи с императором Александром Павловичем, 1817–1820, *Русская старина*, I (изд. 3-е), № 3, 230–243.
- Kern 1884a: А. П. Керн, Сто лет назад, *Радуга*, № 18, 19, 22, 24, 25.
- Kern 1884b: А. П. Керн, Из воспоминаний о моем детстве, *Русский архив*, 3, 329–348.
- Kern 1989: А. П. Керн, *Воспоминания. Дневники. Переписка*. Москва.
- Korotajev 1939: А. В. Коротаев, Чехов и малая пресса 80-х гг., *Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института*, XXIV, 87–136.
- Majkov 1899: Л. Н. Майков, *Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки*. Санкт-Петербург.
- Orlov 2005: Э. Орлов, “Малая пресса” и “большая” литература 1880–1890-х годов (К вопросу об их соотношении). In: *Молодые исследователи Чехова. 5: Материалы международной научной конференции*. Москва, 16–25.
- Pisma Chekhovu 1939: *Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова*. Москва.
- Shcheglov 1996 (1982): Ю. К. Щеглов, Из поэтики Чехова («Анна на шее»). In: А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов, *Работы по поэтике выразительности*. Москва.
- Tverdokhlebov 1977: И. Ю. Твердохлебов, Чехов и “Новое время” Суворина. (Эпизод 1886 года. Рассказ “О женщинах”). In: *Чехов и его время*. Москва, 284–300.

Ekaterina Lyamina is the Professor of Philology, National Research University Higher School of Economics, Moscow.